

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Священникова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Въ Москвѣ безъ доставки . . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкой . . . . . 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города . . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Недомекъ. Стих. Владиміра Вердеревскаго. — Становой. Разсказъ. Н. Полякова (окончаніе). — Очерки прошлаго. Воспоминанія кавказскаго офицера. — Любовь во снѣ. Стих. А. С. — Средства составить себѣ положеніе въ обществѣ. Рисунки И. Ф. Шестакова. — Листокъ замѣчательныхъ произшествій. М. — Переписка. Разсказъ. Н. А. — Мелочи. — Опасныя личности, записанныя въ черную книгу (три политипажа). — Отъ редакціи.

НЕДОМЕКЪ.

Головкой нежною надъ пальцами склонясь,
Она работою прилежно занялась,
И глазокъ не сведетъ съ досаднаго узора!
Послушная игла мелькаетъ скоро, скоро....
И какъ не надобѣсть надъ глупою канвой
Весь день съ опущенной работать головой!...
Не намекнуть ли ей, что это нездорово?
Авось разумнаго послушается слова
И шейку выпрямить и въ глазки дастъ взглянуть?...
Къ тому жь ей надобно безъ шутокъ отдохнуть,
А то, какъ на заказъ, все утро шьетъ прилежно.
Вонъ — даже заалѣлъ румянцемъ профиль нежный,
И отъ движенія рукъ изъ-подъ тяжелыхъ косъ
По шейкѣ мраморной сползаетъ прядь волосъ....
Ну хоть бы сдѣлала разокъ въ шитьѣ ошибку,
Я бь пошутить надъ ней и вызвалъ на улыбку....
Вѣдь, кажется, давно пора бы ей понять,
Какъ мнѣ не весело стяжки ея считать
Да профилемъ однимъ склоненнымъ любоваться....
По всемъ словамъ моимъ должна бы догадаться...
Но вѣтъ! напрасно все — ничто ей не-вдомекъ,
Твердитъ одно: «дошью еще одинъ цвѣтокъ!»

Владиміръ Вердеревскій.

СТАНОВОЙ.

(Окончаніе.)

V.

Я бывалъ у Ивана Иваныча рѣдко, и не иначе какъ только по дѣламъ службы. Однажды, это было лѣтомъ, я былъ командированъ въ уѣздъ, для ввода во владѣніе г-жи Бѣлопяткиной — пустошью, именуемой Красная Поляна. По этому случаю мнѣ необходимо было заѣхать къ Ивану Иванычу, и съ нимъ уже вмѣстѣ отправиться въ Красную Поляну, которая находилась въ его станѣ. Подѣзжая къ дому, занимаемому становой квартирою Ивана Иваныча, я увидѣлъ сидѣвшихъ на лавочкѣ, у воротъ дома, женщину лѣтъ сорока, съ ребенкомъ на рукахъ; рядомъ съ ней сидѣла довольно красивой наружности дѣвушка лѣтъ семнадцати; возлѣ нихъ стояли два мальчика, одному изъ нихъ было лѣтъ девять, а другому не болѣе семи. Всѣ они были одѣты весьма бѣдно. Женщина горько плакала; у дѣвушки на глазахъ блистали слезы; мальчики не плакали, но по выраженію ихъ лицъ видно было, что веселое расположеніе духа, такъ свойственное дѣтямъ ихъ возраста, давно уже не посѣщало ихъ.

При входѣ моемъ въ канцелярію, я засталъ Ивана Иваныча допрашивающимъ двухъ арестантовъ. Онъ при-

нял меня чрезвычайно ласково, тѣмъ болѣе, что визитъ мой былъ для него не безынтересенъ, потому что Иванъ Ивановичъ, какъ-то особенно жаловалъ эти, такъ-называемые вводки. Обмѣнявшись самыми деликатнѣйшими привѣтствіями, Иванъ Ивановичъ предложилъ мнѣ кресло; предложеніе принято и я помѣстился у открытаго окна, а Иванъ Ивановичъ продолжалъ свой допросъ.

— Ну, признайся откровенно, чистосердечно,—говорилъ Иванъ Ивановичъ:—вѣдь ты намѣренъ былъ произвести поджоги избы у Краюшкина?

— Знать не знаю, отвѣчалъ допрашиваемый крестьянинъ, съ крайне-неблаговидной физиономіей, сплосъ покрытой веснушками.

— А твое прежнее показаніе, гдѣ ты сознался въ намѣреніи поджечь избы Краюшкина?

— Это — со страху....

— Какъ со страху? нѣтъ, мой голубчикъ, это ужъ ты врешь, это дудки, мой любезный, дудки;—меня на пустомъ не собьешь, я самъ волкъ стрѣленный! но я тебѣ, какъ отецъ, совѣтую не упорствовать; помни, что за собственное и чистосердечное сознание въ преступленіи мѣра наказанія смягчается, а за упорство наказаніе увеличивается....

— Не можемъ знать, — наше дѣло темное, не грамотное.

— Ну, а ты что скажешь? — Тутъ Иванъ Ивановичъ обратился къ другому арестанту, парню лѣтъ двадцати пяти, съ довольно простоватой физиономіей.

— Да все то же, что и прежь сего говорилъ.

— То, что поджогъ избы Краюшкина, намѣренъ былъ произвести именно онъ?

— Такъ точно.

— Ты это зналъ?

— Зналъ.

— Почему жъ ты въ то же время не далъ знать о томъ полиціи? стало быть ты былъ за одно съ нимъ?

— Нѣтъ: я только общалъ молчать.

— Какъ же это было — портори?

— Было близко къ ночи, я шелъ съ поля задрами мимо Краюшкина, иду, а онъ и нырь черезъ заборъ-то, да къ плетню и присѣлъ. Я узналъ его да и говорю: «а, да это ты, Сидоръ!» а онъ какъ кинется ко мнѣ, схватилъ меня за плечо, да и говоритъ: «слушай, говоритъ, Максимъ, ты не моги никому говорить, что видѣлъ, какъ я отъ Краюшкина черезъ плетень лѣзъ; я, говоритъ, подкинулъ ему письмо, чтобы онъ вынесъ мнѣ сто рублей денегъ въ лѣсъ, въ машинно дунло, а не то я его избы сожгу; а если, говоритъ, ты кому скажешь это, и меня изловятъ, то я скажу, что письмо это подкинулъ не я, а ты.»

— Ну, что жъ дальше?

— Потомъ, привелъ меня къ себѣ въ избу, принесъ горшокъ земли, да и говоритъ: «вотъ, говоритъ, Максимъ, если ты съѣшь этотъ горшокъ земли, тогда я повѣрю тебѣ, что ты никому про это дѣло не скажешь, безъ того, говоритъ, живова тебя отъ себя не пущу.» Дѣлать нечего, я перекрестился и съѣлъ цѣлый горшокъ сырой земли....

— И тебя не розорвало? сдѣлалъ вопросъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, только рѣзь въ животѣ и по сю пору стоить.

— Ну, а потомъ, когда ты уже съѣлъ землю?

— Вотъ, говоритъ, теперь вѣрю, что ты никому, ничего не скажешь, теперь, говоритъ, ступай домой; ну, я перекрестился и ушелъ.

— А денегъ онъ не общалъ тебѣ?

— Нѣтъ.

— Все, что ты объяснилъ въ своихъ показаніяхъ, есть сущая правда?

— Правда.

— Подъ присягой подтверждаешь?

— Подтвержу.

— Ну, продолжалъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ первому арестанту, — ты, и теперь скажешь, что это не твое дѣло?

— Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, отвѣчалъ арестантъ.

— Врешь, голубчикъ, по твоимъ глазамъ видно, что это дѣльцо твое; взгляни-ка ты на свою рожу-то, какова она? Вѣдь ты, мой любезный, у черта паспортъ укралъ. Хорошо. Крючковъ изготви рапортъ съ представленіемъ ихъ въ Земскій судъ. Эй! казакъ! отведи ихъ въ бокоушки.

Арестантовъ увели.

— Ну, а ты, пріятель, что скажешь? — Тутъ Иванъ Ивановичъ обратился съ вопросомъ къ человѣку пожилыхъ лѣтъ, котораго, при входѣ моемъ въ канцелярію, я никакъ не почелъ за арестанта. Онъ одѣтъ былъ въ старый напковый сюртукъ; лобъ и щеки арестанта были покрыты рѣзкими морщинами; черные волосы на головѣ и бородѣ его были съ просѣдью. Въ простой, но далеко не ономленной физиономіи этого человѣка было что-то скорбное, страдальческое; движенія его были вялы, безжизненны; голосъ слабъ и прерывистъ, какъ у умирающаго.

— Ну, что-жъ ты скажешь въ свое оправданіе? повторилъ Иванъ Ивановичъ.

— Что, ваше благородіе, — и самъ не знаю.... сказать-то нечего....

— За что онъ взятъ? спросилъ я.

— За подкинутіе угрознаго письма. Вотъ, не угодно ли? — Съ этими словами Иванъ Ивановичъ подалъ

мнѣ письмо. Я бѣгло просмотрѣлъ его содержаніе, которое, какъ и всѣ письма подобнаго рода, показалось мнѣ глухимъ; въ письмѣ этомъ неизвѣстное лицо просило вынести къ назначенному мѣсту 200 руб. ассигн., а въ случаѣ неисполненія грозило жечь домъ и пр.

— Подкинувъ это письмо, въ случаѣ неудачи, ты намѣренъ былъ угрозу свою привести въ исполненіе или нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ. Мнѣ хотѣлось только достать какъ-нибудь денегъ...

— Что же выпудило тебя прибѣгнуть къ такому преступному средству?

— Крайность... Нужда!...

Крайность! нужда! слова эти всегда и какъ-то невольно поднимаютъ правую мою руку къ затылку и далеко запускаютъ ее подъ волоса, а на душѣ чувствуешь тягость безвыходнаго положенія изъ этой горькой крайности, изъ этой безотрадной, всеумерщвляющей, всепожирающей нужды.

— Ты семейный? спросилъ я.

— Семейный: жена... четверо дѣтей при мнѣ, одинъ... старшій, въ солдатахъ...

— Ты изъ ремесленниковъ?

— Да по токарной же части былъ... да разстроился... нанялъ было охотника за сыпка-то, да негодился, такъ и деньги пропали, и сынъ пошелъ... задолжалъ кой-кому, задолжалъ за квартиру... ну, жена, ребятники бѣтъ просить... а работы нѣтъ, да и работать некому, самъ-то все боленъ, а ужъ бабья-то работа—какая работа?... ну, все еще кой-какъ перебивался, да хозяйинъ обобралъ всѣ инструменты, и стапокъ взялъ, и выгналъ меня изъ квартиры... не вмоготу пришло, вотъ и согрѣшилъ... что дѣлать-то? видно ужъ такъ на роду написано!... И подсудимый, крѣпившійся въ продолженіе разказа, — далъ полную волю своимъ слезамъ.

Въ эту минуту я глубоко почувствовалъ ничтожество моего состоянія; слова старика, такъ просто высказанныя, близко отозвались моему сердцу. Я хорошо понималъ его настоящее и его будущее, въ которомъ для него было рѣшено все, все безвозвратно...

— Ваше благородіе, дозвольте повидаться съ женой? произнесъ арестантъ, отирая катившіяся по щегамъ слезы.

— Этого, мой любезный, дозволить не могу, да и не зачѣмъ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Отецъ родной, ради Бога!

— Говорятъ — нельзя!

Я отвелъ Ивана Ивановича въ сторону и упросилъ его дозволить арестанту повидаться съ своимъ семействомъ, которое ожидало его у воротъ. Иванъ Ивановичъ согласился. Спусти нѣсколько минутъ намъ подали лошадей и мы отправились.

Иванъ Ивановичъ, вирожденіе девятиверстнаго путешествія нашего въ Красную Поляну, пытался нѣсколько разъ повести со мной умныя свои рѣчи, но замѣтивъ, что я былъ въ нерасположеніи духа и на вопросы его отвѣчалъ невпопадъ,— оставилъ меня въ покоѣ. Причиною моего нерасположенія, во-первыхъ, было то, что канцелярскіе и юридическіе вопросы Ивана Ивановича мнѣ давно уже набили оскомину; а во-вторыхъ то, что несчастная участь токаря и его семейства не выходила у меня изъ головы. Воображеніе мое такъ живо рисовало мнѣ этого бѣдняка, эту несчастную женщину—жену и мать съ кучею дѣтей, будущихъ нищихъ, а кто знаетъ, можетъ-быть — и, будущихъ негодяевъ! А эта дѣвушка? какая участь ожидаетъ ее въ будущемъ? пощадить ли ее грязная, безобразная, отвратительная рука разврата, такъ бдительно стерегущая у дверей порока каждый маленькій шагъ къ крайности въ человеческой жизни?...

VI.

Къ этому-то самому Ивану Ивановичу и былъ представленъ, пойманный казакомъ, виновный въ самовольной отлучкѣ, поросенокъ извѣстнаго намъ Митяя Кряжа.

Является нашъ дядя Митяй къ становому.

— Что ты, любезный? спрашиваетъ его Иванъ Ивановичъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, купилъ я тропхъ поросятюкъ, да грѣшное дѣло, — заѣхалъ съ землякомъ выпить по стаканчику, а въ это время одинъ изъ поросятъ-то прорвалъ мѣшокъ да и ушелъ съ телѣги, — сказываютъ, что его поймалъ казакъ отъ вашей милости?...

— Такъ это твой поросенокъ?

— Мой, ваше благородіе.

— Вѣрю, вѣрю, что поросенокъ этотъ дѣйствительно твой, но вѣдь отдать-то его тебѣ сейчасъ не могу.

— Отчего же, батюшка?

— Да отъ того, что не имѣю законныхъ доказательствъ на то: твой онъ или нѣтъ?

— Мой, батюшка, вотъ хоть земляка спросите, онъ скажетъ, что мой...

— Все это такъ, мой любезный, но отдать его тебѣ никакъ не могу, — закона нѣтъ.

— Какъ же быть-то теперь съ этимъ дѣломъ, ваше благородіе?

— Какъ быть? подай объявленіе, я съ своей стороны употреблю всевозможныя мѣры; сдѣлаю по внутреннему мнѣ стану розыскъ: не окажется ли хозяевъ убѣжавшаго поросенка, и если никого не окажется, тогда ты безпрятственно можешь получить его.

— А скоро ли получить-то его можно будетъ?

— Черезъ недѣлю приходи.

— Черезъ недѣлю! — а сегодня-то, ваше благородіе, получить нельзя будетъ?

— Говорю, что нельзя. Ну ты самъ разсуди, положимъ такъ, я теперь отдамъ тебѣ поросенка — хорошо, а вдругъ явится какой-нибудь негодяй и потребуетъ отъ меня поросенка; гдѣ я тогда возьму его? Миѣ тогда нужно будетъ отдать за поросенка свои деньги, — ты самъ разсуди?...

— Оно вѣстимо дѣло такъ, — оно рѣчь, будемъ говорить, правильная, какъ есть, а все-таки поросенокъ-то мой....

Наконецъ убѣдившійся дядя Митяй Кряжъ подалъ о убѣжавшемъ поросенкѣ объявленіе, что стоило ему 30 коп. серебромъ.

Спустя недѣлю, Митяй Кряжъ явился въ станovou квартиру Ивана Иваныча.

— Что ты, мой любезный, за поросенкомъ? спрашиваетъ его Иванъ Иванычъ.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Я розыскъ сдѣлалъ. — Крючковъ!

— Что прикажете?

— Что хозяевъ къ убѣжавшему поросенку никого не оказалось?

— Никого.

— Ну, такъ вотъ, мой любезный, теперь ты можешь получить своего поросенка.

— Благодаримъ покорно!...

— Не кланяйся, мой любезный — не стоитъ, это твоя собственность... а мы обязаны только исполнять. — Эй, казакъ!

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Поди приведи сюда поросенка.

— Слушаю-съ. — Казакъ ушелъ.

— Подожди, онъ сейчасъ приведетъ. Подожди тамъ — въ передней.

Прошелъ уже цѣлый часъ, какъ нашъ Митяй ожидаетъ появленія казака съ поросенкомъ. . . . Прошелъ и другой, а между тѣмъ, ни казакъ, ни поросенокъ не являются. . . . Что за чудо! . . . думаетъ нашъ Митяй. Этотъ же самый вопросъ, какъ полагать надо, — повторился и въ головѣ Ивана Иваныча.

— Эй, сотскій! крикнулъ Иванъ Иванычъ.

Сотскій явился.

— Гдѣ же Копытинъ (фамилія казака)? — Поди, сходи въ сарай, посмотри, что онъ тамъ дѣлаетъ? Я приказалъ ему привести сюда поросенка, и онъ пошелъ, и пропалъ. — Скажи, чтобы сію же минуту привелъ сюда поросенка!

— Слушаю-съ. — Сотскій ушелъ.

Нашъ Митяй снова ждетъ цѣлый часъ, но вотъ наконецъ является сотскій.

— А Копытинъ гдѣ? спрашиваетъ Иванъ Иванычъ.

— Идетъ.

Является Копытинъ, и не говоря ни слова, бултыхъ Ивану Иванычу въ ноги.

— Что ты?

— Виноватъ, ваше благородіе — упустилъ! . . .

— Кого упустилъ?

— Поросенка, ваше благородіе.

— Гдѣ же поросенокъ-то?

— Въ лѣсу, ваше благородіе. . . .

— Какъ въ лѣсу?

— Такъ точно, ваше благородіе. — Вырвался и убѣжалъ въ лѣсъ, — я за нимъ, а его и слѣдъ простылъ. — Виноватъ, ваше благородіе!

— Хорошо. — Эй! сотскіе! розогъ! вотъ я тебя!

Услышавъ это, нашъ Митяй, движимый чувствомъ состраданія къ ближнему, упалъ въ свою очередь Ивану Иванычу въ ноги, умоляя его отмѣнить наказаніе казака.

— Хорошо, хорошо, вотъ я его помилую, продолжалъ Иванъ Иванычъ, окончательно вышедъ изъ себя: я ему дамъ знать, какъ упускать поросятъ! — Розогъ!

— Ваше благородіе, простите его! Богъ съ нимъ, ваше благородіе! поросенокъ дѣло не важное; ну ушелъ, стало быть, такъ грѣху надо быть. . . .

— Ну, хорошо, я вижу, ты мужичекъ добрый, я вижу. Ну я, положимъ, прощу его для тебя только; а вѣдь поросенка-то все-таки ты потребуешь отъ меня? а гдѣ жъ я его возьму? ты самъ разсуди?

— Да ужъ Богъ съ нимъ, и съ поросенкомъ-то, ничего не спрошу, только простите его-то. Богъ съ нимъ!

— Это для тебя только я прощаю его, помни! — Вотъ, негодяй, — Иванъ Иванычъ обратился къ казаку: кланяйся ему въ ноги — благодари!

— Не нужно, ваше благородіе, не нужно.

Казакъ все-таки поклонился Митяю въ ноги.

— Ты у меня помни это, негодный! Пошелъ вонъ! . . . Негодяй! повторялъ про себя Иванъ Иванычъ, мало по малу успокоивающійся отъ внутренняго волненія.

— Ну, мой любезный, — какъ тебя звать-то, я забываю?

— Митяемъ.

— Ахъ, да, Митяй! — славное имя. . . . Вотъ видишь ли, мой другъ, Митяй, ты долженъ подать отъ себя объявленіе на тотъ именно предметъ, что убѣжавшаго поросенка ты получилъ.

— Какъ же это такъ получилъ? . . .

— Я знаю, что ты не получалъ поросенка, это такъ; да порядокъ-то того требуетъ. Ты, Митяй, самъ чело-вѣкъ умный, можешь понимать вещи; ты вотъ сейчасъ говоришь, что ты не ищешь больше своего поросенка, а завтра же подашь прошеніе и потребуешь съ меня поросенка или деньги!

— Какъ можно, ваше благородіе; зачѣмъ...

— Нельзя, мой милый, нельзя.

Наконецъ Митяй, убѣжденный въ необходимости подать объявленіе о томъ, что искъ о поросенкѣ онъ прекращаетъ, — истратилъ еще 15 коп. серебромъ.

— Ну, любезный мой Митяй, дѣло это теперь кончено, а я между тѣмъ, приму мѣры отыскать твоего поросенка; да не худо будетъ тебѣ и самому поискать его, потому что, сколько я полагаю, онъ далеко убѣжать не могъ; — гдѣ нибудь здѣсь, въ лѣсу, — проговорилъ Иванъ Ивановичъ, принявъ отъ Митяя объявленіе. Ну, какъ же, дядя Митяй, вѣдь я твоего поросенка, цѣлую недѣлю держалъ у себя, покупалъ для него кормъ; онъ каждый день стоилъ мнѣ 10 коп. серебромъ; семь дней по 10 коп., это составитъ семь гривенъ серебромъ, которыя мнѣ съ тебя получить слѣдуетъ.

— А за поросенка-то, ваше благородіе, ктожь мнѣ заплатитъ?

— Это ты можешь требовать съ того, кто упустилъ его. Дѣло другое, если бы я твоего поросенка упустилъ самъ, тогда бы я и былъ обязанъ заплатить за него; а такъ-какъ его упустилъ казакъ, — ты съ него и требуй, — имѣешь на это полное право. А наконецъ ты самъ объяснилъ, что искъ о поросенкѣ прекращаешь, на это была твоя собственная воля, я не принуждалъ тебя. Если же мнѣ содержать всѣхъ забѣглыхъ лошадей, коровъ и поросятъ на свой счетъ, тогда я самъ долженъ буду остаться безъ куска насущнаго хлѣба, — самъ посуди, ты человекъ не безъ понятія?...

Не находя болѣе возможнымъ дать какое-либо возраженіе противъ такихъ убѣдительноѣйшихъ доводовъ Ивана Ивановича, Митяй Кряжъ, почесавъ въ затылкѣ, (что можно объяснить словами: «что видно ужъ дѣлать нечего, — а его благородію за кормъ поросенка надо отдать»), спросилъ:

— Сколько же отдать-то прикажете?

— Ну, да ужъ Богъ съ тобой, — 50 коп. давай.

Митяй вынулъ кошель, отсчиталъ 50 коп. и подаль ихъ Ивану Ивановичу.

— Ну, теперь съ Богомъ, ступай! — а поросенка-то все-таки я поищу....

— Благодаримъ покорно. — Сказавъ это, нашъ дядя Митяй Кряжъ вышелъ изъ канцеляріи и съ сокрушеннымъ сердцемъ отправился домой, въ сельцо, именуемое Кротова Норка.

На этомъ же основаніи Иванъ Ивановичъ поступалъ съ забѣглыми коровами и лошадьми. Иванъ Ивановичъ былъ человекъ очень хорошій, его и теперь еще вспоминаютъ, да нечего сказать — вѣдь и есть чѣмъ вспомнить!...

Н. Поляковъ.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія кавказскаго офицера.)

6-го генваря 185* года, было назначено первое собраніе въ одномъ изъ передовыхъ укрѣпленій, расположенномъ на плоскости Большой Чечни. Собраніе большая рѣдкость, въ тѣхъ мѣстахъ, и потому мы съ жадностью спѣшили въ него, стараясь пріѣхать или придти раньше другихъ. Такъ думали мы, мужчины, собираясь, какъ выражались наши солдатки, въ сумасшедшій домъ; но не такъ полагали наши красавицы.

Въ одномъ изъ уютныхъ домиковъ, передъ небольшимъ зеркаломъ, имѣющимъ одно лишь достоинство — кривить лѣвую сторону отражавшагося въ немъ предмета, стояла хорошенькая, стройная дѣвушка, одѣтая въ тарлатановое платье, съ отдѣлкой изъ пунцовыхъ лентъ, и поправляла прическу.

— Маменька! да скоро ли мы поѣдемъ въ собраніе? Уже давно девять часовъ; смотрите: три четверти десятаго, проговорила она, взглянувъ на стѣнные часы съ огромнымъ маятникомъ.

— Вотъ нетерпѣніе-то! отвѣчала старушка, одѣтая въ шелковое платье. Подожди, матушка. Какъ же мы пріѣдемъ-то первыми? Это вѣдь пахнетъ незнаемъ свѣта и приличія.

— Не можетъ быть, чтобы никто не пріѣхалъ. Филька вѣроятно вретъ.

— Какъ вретъ, что ему за охота врать? Подожди немного; Семень Семенычъ вѣроятно зайдетъ къ намъ. Да вотъ кто-то идетъ. Ужъ не онъ ли?

Въ эту минуту вошелъ или, вѣрнѣе сказать, ввалился въ комнату комиссаріатскій чиновникъ, небольшого роста и до того полный, что лицо, руки и ноги почти скрывались за остальнымъ его туловищемъ. Онъ вошелъ въ комнату размахивая руками, ныхтя, отдуваясь и хохоча во все горло. А вотъ и я, вотъ и я, ха! ха! ха! Аделаида Александровна, мое вамъ глубочайшее, ха, ха, ха! Здравствуйте Марья Викентьевна, позвольте прильнуть устами къ ручкѣ вашей, кралечка вы моя, ха! ха! ха! Вы меня простите, продолжалъ онъ, замѣтивъ неудовольствіе на личикѣ дѣвушки, я ужъ такъ отъ природы-съ маленько чубуковать, ха! ха! ха! А я вамъ Аделаида Александровна, прошипѣлъ онъ, обращаясь къ старушкѣ, сочинилъ новую шарадочку. Что? сказать? а? ха! ха! ха!

— Ахъ, оставьте ваши шарады, сказала дѣвушка, — поѣдемъ въ собраніе, маменька, а то и право раздѣнусь.

— Вишь ты какая пряткая! Шутъ иобери эти собранія! Не дадутъ поговорить о хорошемъ и полезномъ. Ну поѣдемъ, поѣдемъ; вы съ нами что ли, Семень

Семенычъ? Ужь какъ-нибудь помѣтитесь на облучкѣ, что ли?

— Ладно, ладно, матушка, я на запяточкахъ, только на запяточкахъ, ха! ха! ха! Да что же? гдѣ вашъ Филька? Эй, Филька! Филиппъ!

— Сей-й часть-сь! отозвался голосъ въ сѣняхъ.

— Колесницу! живо! ха! ха! ха! закричалъ Семень Семенычъ,

— Сей-й-часть-сь! ваше высокоблагородіе!

Наконецъ маменька съ дочкой усѣлись въ сани, Семень Семенычъ помѣстился кое-какъ на запяткахъ, и они отправились въ собраніе.

— Ахъ, какъ свѣтло! Вѣрно будетъ весело! вскричала молодая дѣвушка, подъѣзжая къ дому собранія. Боже мой! играютъ уже польку! Видите ли, маменька, я вамъ говорила, что мы опоздаемъ.

— Ничего-сь, кралечка моя, Марья Викентьевна, поспѣемъ-сь, ха! ха! ха! Пошелъ скорѣй, Филька!

Филька приударилъ по лошадей, сани раскатились на ухабѣ, и Семень Семенычъ, который въ эту минуту снявъ фуражку, поправлялъ свои волосы, стараясь прикрыть ими лысину, потерялъ равновѣсіе и кубаремъ скатился въ канаву.

— Ой, ой, ой! чтобъ тебя черти побрали! Экая гадость! Къ чему эта оттепель! Ой, ой, ой! стоналъ Семень Семенычъ, выѣзая изъ канавы, весь перепачканный и мокрый. — И новое платье испортилъ, вотъ тебѣ и собраніе!

Сани между тѣмъ остановились и голоса: «Семень Семенычъ! Семень Семенычъ!» заставили бѣднаго героя нашего, дрожавшаго отъ холода, подойти къ ожидавшимъ его дамамъ.

— Что съ вами? спросила Аделаида Александровна. Ахъ, бѣдный мой! Что это съ вами? Тамъ въ буфетѣ обчиститесь. Становитесь и поѣдемте.

— Ну пѣтъ, матушка, какое тутъ собраніе? отвѣчала поспѣшно Семень Семенычъ, стоя передъ дамами безъ шинели и фуражки. Куда ужъ мнѣ въ собраніе? бррр! бррр! какъ холодно. Вѣдь какъ это я слетѣлъ, право не пойму. Справедливо, что тише ѣдешь, дальше будешь, бррр! Ухъ, какъ холодно!

— Да гдѣ же ваша шинель? вдругъ спросила молодая дѣвушка, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Ай, ай, ай! шинель-то моя? да она въ канавѣ! Я и забылъ про нее! Батюшки мои! пропадетъ она! закричалъ Семень Семенычъ, бросающъ къ солдатамъ, свидѣтелямъ его приключенія.

— Ничего-сь, ваше благородіе, она только промокла. Извольте падѣть-сь, проговорилъ одинъ солдатъ, подавая ему шинель, всю мокрую и въ грязи. А вотъ-сь фуражка-сь.

— Бррр! бррр! бормоталъ сквозь зубы бѣдный Семень Семенычъ. Прощайте-сь! Я домой-сь!

— Прощайте, отвѣчала Аделаида Александровна, да вотъ возьмите наши сани, пусть Филька довезетъ васъ. Прощайте!

Дамы вошли въ переднюю, а Семень Семенычъ, охая и бранясь, отправился домой.

Я встрѣтилъ ихъ въ числѣ прочихъ повоприбывшихъ дамъ; онѣ обѣ еще хохотали.

— Здравствуйте, Аделаида Александровна. Bonsoir M-me Marie, что это? чему вы такъ смѣетесь? спросилъ я, снимая шубу съ Марьи Викентьевны.

— Послѣ расскажу, M-g Alexandre. Мы, кажется, очень опоздали, а все изъ-за этого Семена Семеныча, отвѣчала молодая дѣвушка, подавая мнѣ свою ручку.

— Нѣтъ, не очень еще. Сейчасъ начинается 2-я кадрили. Позвольте, M-me Marie, просить васъ на 2-ю и 4-ю.

— Очень хорошо; отвѣчала она и прибавила: проведите меня въ уборную.

Исполнивъ ея желаніе, я вошелъ въ балльную залу, въ которой прогуливалось нарѣ съ двадцать дамъ и дѣвицъ. Говоръ, шумъ, междометія, языки: русскій, французскій, нѣмецкій и грузинскій слышались тамъ и сямъ между ними. — «Ангелы! ангелы!» говорилъ тихо одинъ старичекъ, стоя у дверей при входѣ въ залу; «но откуда же эти демоны берутся?» вдругъ прибавилъ онъ, ударивъ себя ладонью по лбу. Я невольно обратилъ на него вниманіе. Это былъ С... чь, человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ, съ добрѣйшимъ сердцемъ, не мотъ, не пьяница, не картежникъ; но, какъ видно, родившійся подъ несчастною звѣздою. Въ молодости онъ потерялъ родителей, состояніе, былъ женатъ на трехъ женахъ и все три раза крайне несчастливо. Дѣти его умерли и онъ, одинъ одиношенекъ, пуждаясь во всехъ житейскихъ потребностяхъ, доканчивалъ свое земное странствованіе. Да, думалъ я, странная судьба этого человѣка. И почему бываетъ такъ на свѣтѣ, а не иначе; почему добрые всегда страдаютъ больше дурныхъ?...

— Что вы такъ задумались, M-g Alexandre? пойдите, — сказала, обращаясь ко мнѣ Марья Викентьевна...

— Да такъ! отвѣчалъ я. Я думалъ о превратностяхъ судьбы С... ича. Но вы обещали мнѣ рассказать причину вашего смѣха, M-me Marie.

Тутъ музыканты заиграли тушь и мы стали готовиться къ кадрили. Вскорѣ я стоялъ съ Марьей Викентьевной въ 1-й фигурѣ, а она рассказывала мнѣ приключеніе съ Семеномъ Семенычемъ, заставляя меня смѣяться и часто ошибаться въ кадрили. Она кончилась, загремѣлъ вальсъ и пары понеслись въ его вихрѣ.

Едва я посадилъ М-ше П., съ которою вальсировалъ, подошелъ ко мнѣ полковникъ М*, мой начальникъ, и, взявъ за руку, отвелъ меня въ сторону.

— Жаль мнѣ, молодой человекъ, что я долженъ просить васъ объ одномъ служебномъ дѣлѣ.

— Я на все готовъ, полковникъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ видите ли; я получилъ сейчасъ бумагу и отъ моей части должны выступить два орудія къ башнѣ сейчасъ же, гдѣ получать дальнѣйшее распоряженіе. Очередь идти съ орудіями вамъ, и хоть мнѣ прискорбно, но я долженъ нарушить ваше веселье.

— Помилуйте, полковникъ, это долгъ службы и дѣлать нечего.

— Проститесь же съ барышнями и пойдите ко мнѣ; я вамъ дамъ денегъ на продовольствіе лошадей и людей. А тамъ и съ Богомъ.

Я подошелъ къ Марьѣ Викентьевнѣ и, рассказавъ ей обо всемъ, извинился, что не могу танцевать съ нею 4-ю кадрили, а вмѣсто себя предложилъ ей другаго кавалера; потомъ, простившись съ нею и со всѣми другими, вышелъ съ полковникомъ М*, невольно думая о безнечности людей, предающихся со всѣмъ увлеченіемъ, танцамъ и другимъ наслажденіямъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за валомъ крѣпости можно было навѣрное встрѣтить смерть.

Можетъ-быть многіе, не знающіе и не жившіе на передовыхъ линіяхъ на Кавказѣ, скажутъ, что это вздоръ, и спросятъ меня: какимъ же образомъ послѣ всего этого производятся сообщенія между укрѣпленіями, а тамъ и съ линіей, на которой существуетъ даже почтовая дорога? На это отвѣчу, что сообщенія у насъ производятся не иначе какъ оказіями. А оказіей называется военная колонна изъ одного баталіона пѣхоты, 2-хъ орудій и 100 донскихъ казаковъ, которая одинъ разъ въ недѣлю выступаетъ изъ крѣпости и, образовавъ четырехугольникъ, заключаетъ въ немъ тѣхъ и то, что отиравается въ сосѣднія укрѣпленія или на линію. Иначе изъ крѣпости никто не осмѣлится выйти.

Получивъ инструкцію отъ своего батарейнаго командира, переодѣвшись и взявъ съ собою, что могъ, на скорую руку, я вскорѣ выступилъ изъ крѣпости къ башнѣ. Тамъ меня уже ждалъ отрядъ, и едва орудія мои вдвинулись на свои мѣста, какъ онъ тронулся. Долго мы шли берегомъ рѣки Аргуна; по правой сторонѣ былъ лѣсъ, изъ котораго слышался изрѣдка звукъ, похожій на раскушеніе орѣха, а вездѣ за нимъ раздавался свистъ пули. Наши стрѣлки весьма усердно отвѣчали горцамъ, и не видя непріятеля, въ котораго могли бы цѣлить, отвѣчали числомъ выстрѣловъ, надеясь, что авось какая-нибудь пуля да попадетъ.

По лѣвой сторонѣ былъ кустарникъ, а за нимъ рѣка Аргунь.

Солнце уже освѣтило все окружающее, и мы принялись за рубку *). Не стану описывать ея и всѣхъ подробностей; это слишкомъ зайдетъ за предѣлы моего рассказа; скажу только что аулы на рѣкѣ Джалкъ были покорены, и мы, переправясь чрезъ р. Шавдонку съ небольшою перестрѣлкою, приближались къ р. Гудермесу, гдѣ должны были стать лагеремъ въ послѣдній разъ. Занявъ позицію, мы на другой день продолжали рубку лѣса. Правда, наша экспедиція не обошлась безъ потери, но благодаря распорядительности нашего генерала В*, цѣль была достигнута; огромная просьба, начиная отъ крѣпости В.....й до укрѣпленія У..... Ю.....а, обезпечивала на будущее время движенія нашихъ отрядовъ; огромные аулы въ мѣстахъ, считаемыхъ прежде болотистыми, были разрушены и впродолженіе можно было надѣяться на безопасность нашихъ прибрежныхъ поселеній. Наконецъ рубка была окончена; мы снялись съ позиціи и стали доходить до укр. У..... Ю.....а, откуда считали себя уже какъ дома. Остановясь на привалѣ, мы всѣ собрались у одного казачьяго штаб-офицера Е.....го, родомъ Венгерца, веселаго, гостепріимнаго и весьма умнаго, образованнаго человека, который обѣщался угостить насъ отличнымъ глинтвейномъ. При этомъ я долженъ прибавить, что Е.....й весьма дурно говорилъ по-русски и часто, отпуская остро-ты, извинялся незнаніемъ русскаго языка.

Отказаться въ холодъ отъ глинтвейна, мы считали невозможнымъ и потому весьма обрадовались радунію Е.....го, не исключая и нашего начальника генерала В*. бывшаго съ нами. Едва мы вошли въ шатеръ, раскинутый Е.....мъ, какъ прискакавшій казачій офицеръ рассказалъ генералу слѣдующее: изъ кр. Г....., выѣхавъ одинъ инженерный офицеръ В.....ель, съ своею женою въ укр. Т....., на своихъ лошадяхъ, и, полагая, что дорога совершенно обезопасена отрядомъ нашимъ, не взявъ конвоя. Проѣхавъ 12 верстъ, онъ вдругъ былъ окруженъ 8-ю горцами. Первыми выстрѣлами кучеръ и одна лошадь были убиты; а самъ В.....ель, смертельно раненый, упалъ въ кибитку, не будучи уже въ состояніи защищать жену свою и поручая ее волѣ Божіей. Горцы, увидѣвъ русскую марушку, какъ они обыкновенно называютъ нашихъ женщинъ, рѣшились взять ее живьемъ. Но г-жа В.....ель, вѣроятно угадавъ ихъ намѣреніе, рѣшилась тоже не дешево отдать себя. Выхвативъ шашку мужа, она прикрыла его, умирающаго, своимъ тѣломъ и, прислонясь спиной къ отверстію кибитки, начала наносить вправо и лѣво сильныя

*) Рубка производится въ Чечнѣ зимою, съ цѣлью очистить ее отъ лѣса, въ которомъ Горцы ловко скрываются и, маскируясь имъ, наносятъ намъ много вреда.

удары. Съ полчаса она оборонялась, двое Горцевъ получили смертельныя раны по головѣ, одинъ былъ убитъ pistolетнымъ выстрѣломъ; но остальные не хотѣли измѣнить своему намѣренію. Между тѣмъ на линіи вспыхнула уже тревога и линейцы поскакали на выручку храброй женщины. Горцы, увидѣвъ тогда свое плохое положеніе, рѣшились бросить ее. Нанеся ей нѣсколько ударовъ шашками и кинжалами, они спѣшили уйдти, подобравъ тѣла своихъ товарищей. Подоспѣвшіе казаки нашли В....ля уже умершимъ, а жену его безъ чувствъ и всю окровавленную; она получила девять ранъ по головѣ и лицу; но жила еще, почему и отвезли ее въ ближайшій госпиталь.

Разсказъ офицера возбудилъ во всѣхъ насъ грустное чувство. Мы невольно вскрикнули: бѣдный В....ель, но дѣлать было нечего. «Видно ему такъ на роду написано», сказала кто-то изъ присутствующихъ. Превняя веселость исчезла, мы сидѣли молча, даже шутки Е....го, никогда не скучающаго, казались намъ до нельзя приторными. — А вотъ я васъ угощу глинтвейномъ. Максимъ! Максимъ! закричалъ Е....й. — Максимъ явился.

— Поди къ маркитанту возьми чихиря, курицы, гвоздики, свари это и когда будетъ готово, подавай.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ казакъ и вышелъ, а Е....й опять заговорилъ, стараясь развеселить всю компанію; но все было напрасно; мы ждали того часа, когда двинемся въ путь, дальше.

Наконецъ, генераль, видно соскучившись ждать отличнаго глинтвейна, обратился къ Е....му съ вопросомъ, прибавивъ, что пора и въ путь.

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше превосходительство! — Максимъ подѣвай!

Максимъ вошелъ въ шатеръ, неся въ одной рукѣ огромную деревянную чашку, а въ другой ложки и еще что-то завернутое въ бумажку. Когда онъ поставилъ чашку на скамейку, долженствующую замѣнить столъ, Е....й невольно вскрикнулъ, покотившись со смѣха. — Что ты, дуракъ, сдѣлалъ?

— Какъ что? отвѣчалъ импровизированный поварь-казакъ. Я купилъ курицу, сварилъ ее въ чихирѣ, только не знаю, что дѣлать мнѣ съ гвоздиками.

Мы взглянули, и что же увидѣли: курицу плавающую въ чихирѣ. Взрывъ хохота, какой раздался въ шатрѣ, могъ бы заглушить любую полковую музыку. Вотъ тебѣ и отличный глинтвейнъ! А сконфуженный казакъ стоялъ неподвижно съ протянутою рукою, въ которой онъ держалъ гвозди.

— Бери, ѣшь самъ, дуракъ! Извините, господа, я не виноватъ, говорилъ Е....й, пріѣзжайте ко мнѣ домой, тамъ поваръ не сдѣлаетъ ужь такъ, какъ этотъ дурень.

Подай водки да законски *), живо! Последнее было вскорѣ подано тѣмъ же Максимомъ, и мы, выпивъ по рюмочкѣ очищенной, да закусивъ сыромъ, двинулись въ путь, продолжая хохотать надъ глинтвейномъ, свареннымъ изъ чихиря, курицы и обойныхъ гвоздей, оставшихся безъ употребленія. Вскорѣ мы добрались до станицы ***, гдѣ лежала бѣдная г-жа В....оль, для спасенія которой наши медики употребили всѣ усилія науки. Она была спасена и до сихъ поръ еще живетъ, но здоровье ея слабо, и она не можетъ равнодушно слышать о тревогахъ и набѣгахъ Горцевъ.

А N....

ЛЮБОВЬ ВО СНѢ.

Какъ моя малютка поживаетъ?

За-мужемъ отрадите ли ей?

Чья любовь сильнѣе согреваетъ?...

Поцѣлуй чей слаще и живѣй?...

О моя невѣрная брюнетка!

Погляди, что сдѣлалось со мной:

Прежде ты мнѣ свилась очень рѣдко,

А теперь—гдѣ сладкій мой покой?

Что ни ночь,—склонившись къ изголовью,

Предо мной безмолвно ты стоишь,

И опять, по-прежнему, съ любовью

На меня печально такъ глядишь....

О моя измѣнница-злодѣйка!

Въ этотъ мигъ, забывши скорбь свою,

Я тебя цѣлую, чародѣйка,

И опять, по-прежнему, люблю!

Ночь пройдетъ: но вмѣсто словъ проклятья

На устахъ огонь любви горитъ;

Грезъ ночныхъ не въ силахъ разогнать я,

И къ тебѣ прошедшее манитъ....

О моя мучительница злая!

Коль меня увидишь ты во снѣ,

То, моимъ мученьямъ сострадая,

Устъ твоихъ позволю коснуться мнѣ...

Можетъ быть, мой поцѣлуй забытый

Обо мнѣ тебѣ напомнитъ вновь

И, дохнувъ на уголь, въ пепелъ скрытый,

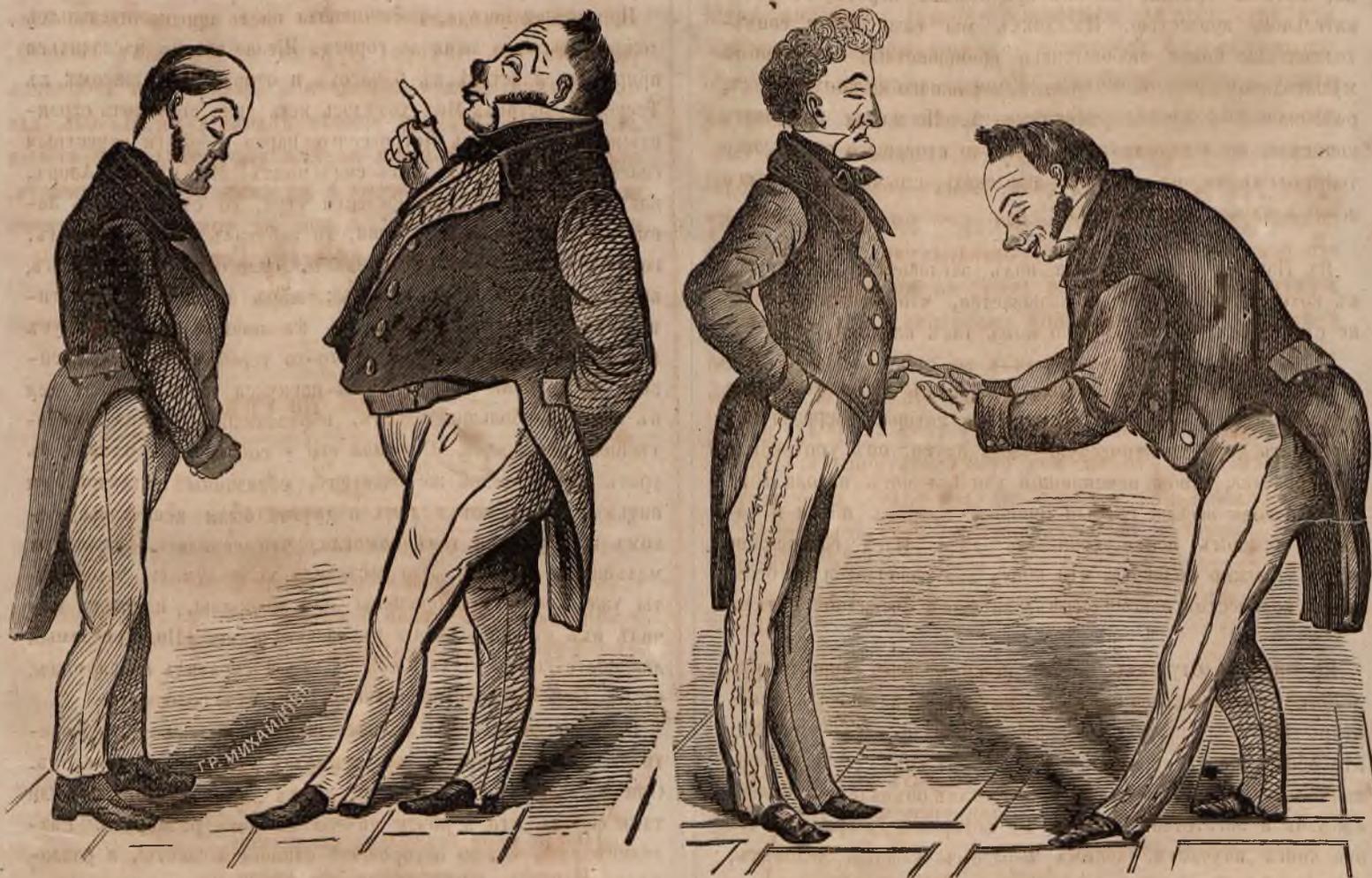
Вновь зажжетъ угасшую любовь....

А. С.

*) Закуски.

Средства составить себѣ положеніе въ обществѣ.

(Рис. И. О. Шестакова.)

Съ низшимъ чиномъ держать себя вотъ такъ....

А съ высшими — этакъ и помпить правило дѣленія.

Листокъ замѣчательныхъ происшествій.

Докторъ Эзель, посвятившій всю жизнь на изученіе челюстей, сообщил намъ радикальное средство къ излеченію зубной боли. Больной беретъ въ ротъ холодной воды, садится на раскаленную плиту и сидитъ до тѣхъ поръ, пока закипитъ вода. Онъ увѣряетъ, что еще не было случая, гдѣ бы это средство оказалось не дѣйствительнымъ.

На дняхъ пріѣхалъ въ Европу изъ Китая, известный пятно-выводчикъ, Мандаринъ Фу-Цынь. Онъ привезъ съ собою огромный запасъ мыла для вывода всѣхъ возможныхъ пятенъ. Этимъ мыломъ онъ беретъ свести пятна даже съ солнца, если только это не повредитъ наукѣ. Мы слышали, что онъ, рассчитывая на огромную потребность, хочетъ устроить особенное депо, въ десять тысячъ разъ больше хрустального дворца.

Извѣстный своею дѣятельностію по части политической экономіи магистръ Мокрокурицынъ, прославившійся за границей своимъ классическимъ сочиненіемъ: «*Опытъ историческаго изслѣдованія о тараканахъ и о причинахъ подраздѣленія ихъ на племена*», нынѣ даритъ публикѣ новое капитальное произведеніе: «*Способъ разведенія клоповъ и лягушекъ*», прагматическое сочиненіе въ 35-ти томахъ, за весьма умеренную цѣну (по 10-ти рублей серебромъ каждый томъ, состоящій болѣе, чѣмъ изъ 24-хъ листовъ убоистой печати).

Знаменитый физикъ Упругинъ составилъ новую теорію толченія воды и переливанія изъ пустаго въ порожнее.

Составляется новая компанія на акціяхъ, подъ названіемъ: «*Общество азростатства между луною и землею*». Можно смѣло поручиться, что эта компанія никого не надуетъ.

Последнія статистическія таблицы показываютъ, что смертность болѣе всего поражаетъ людей въ дѣтскомъ возрастѣ. Между умершими младенцами очень много было сорока, тридцати, пятидесяти и даже шестидесяти лѣтъ.

Кому не извѣстенъ слѣдующій анекдотъ о Паганини: Во время концерта у него лопнула квинта, но онъ не обратилъ на это вниманія. Вслѣдъ за этимъ лопнула другая струна, потомъ третья, но онъ продолжалъ играть съ увлекательною прелестью. На дняхъ мы сами были свидѣтелями еще болѣе любопытнаго происшествія. На одномъ музыкальномъ вечерѣ у артиста, игравшаго на контра-басъ, рассыпался въ дребезги инструментъ. Не желая прерывать концерта, артистъ схватилъ за горло стоявшаго возлѣ него толстаго господина и сталъ извлекать смычкомъ изъ его живота самыя чистыя звуки.

Въ Парижѣ вышла книга подъ заглавіемъ: «L'amour» въ которой очень ясно доказывается, что женщины вовсе не старѣются, но это только намъ такъ кажется.

Въ нынѣшнемъ году вышла въ свѣтъ въ переводѣ на русскій языкъ «Химія» извѣстнаго автора. Переводчикъ имѣлъ въ виду практическую часть пауки: онъ употребилъ всѣ средства, чтобы начинающій учиться могъ находить въ его переводѣ весьма грубыя ошибки противъ науки и такимъ образомъ явнѣ сознавать дѣло. Идея совершенно новая. Должно полагать, что книга эта разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, по своей очевидной пользѣ.

Во многихъ случаяхъ наука до сихъ поръ еще затрудняется въ опредѣленіи, кому именно приписывать честь открытій: тому ли, у кого родилась первая идея; тому ли, кто обнаружилъ ее, или тому, кто развилъ ее и усовершенствовалъ. Одинъ помѣщикъ, прочитавъ объявленіе о книгѣ: «Жизнь и богатство даромъ», въ которомъ говорилось, что эта книга научаетъ, какимъ образомъ каждый человѣкъ, безъ особеннаго труда и безъ гроша денегъ можетъ составить капиталъ въ 30,000 рублей серебромъ, — не захотѣлъ читать самой книги. У него явилась своя идея. Зная число жителей въ Россіи и умноживъ это число на 30,000, онъ легко получилъ, сколько будетъ чистаго капитала въ нашемъ отечествѣ. Эта цифра показалась ему неудовлетворительною. Онъ пожелалъ довести ее до возможнаго предѣла и вотъ какимъ образомъ: онъ полагаетъ, что если ему будетъ дозволено собрать съ cadaго обитателя нашего обширнаго отечества только по полъ-копѣйки серебромъ, — въ чемъ вѣроятно не будутъ упорствовать ни самыя бѣдныя, ни самыя скупыя, — то онъ сдѣлается миллионеромъ. Такой капиталъ въ хорошихъ рукахъ принесетъ большіе проценты и въ нѣсколько лѣтъ можетъ удесятериться. Допуская на слѣдующій годъ другому лицу сдѣлать такой же поборъ, онъ высчитываетъ, въ сколько лѣтъ всѣ жители Россіи будутъ миллионерами. Свои вычисленія онъ хранитъ пока въ глубокомъ секретѣ, и какъ изобрѣтатель, хочетъ просить привилегію первому осуществить свою идею. Трудно, конечно, опредѣлительно сказать что-нибудь о будущемъ, но во всякомъ случаѣ, честь изобрѣтенія всеобщаго обогащенія у насъ въ Россіи принадлежитъ, безспорно, автору: «Жизнь и богатство даромъ».

ПЕРЕПИСКА.

РАЗСКАЗЪ.

Это было нынѣшнимъ лѣтомъ.

Прелестная погода, наступившая послѣ продолжительныхъ дождей, вызвала меня за городъ. Желая вполне насладиться природою, я всталъ въ 6 часовъ и отправился пѣшкомъ къ Тверской заставѣ. Мнѣ хотѣлось весь день посвятить странствію, и начавъ съ Петровскаго парка, обойти окрестныя селенія, на сколько хватитъ силъ моихъ. Мой вѣрный Азоръ, какъ будто сочувствуя прелести утра, то съ веселымъ лаемъ кружилъ вокругъ меня, то забѣгалъ далеко впередъ, гоняясь за воробьями и бабочками. Было около осьми часовъ, когда я пришелъ въ паркъ; жаръ сталъ ощущаться, и я прислѣдъ отдохнуть въ липовой аллеѣ. Вдругъ я замѣтилъ, что моя собака что-то теребитъ подъ скамейкою, на которой я сидѣлъ. Я нагнулся и увидѣлъ у нея въ лапахъ небольшой пакетъ, обвязанный розовою пожелтѣвшею ленточкою. Отнимая его у собаки, я замѣтилъ въ травѣ другой такой же пакетецъ, обвязанный аптекарскими нитками. Какъ тотъ, такъ и другой были испачканы пескомъ и грязью, и такъ намочили, что сочились водою при малѣйшемъ пожатіи. Это заставило меня думать, что пакеты уже давно тутъ брошены или потеряны, и дождь мочилъ ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Подстрекаемый любопытствомъ, взялъ я оба пакета и спрятавъ въ карманъ, чтобъ дома на просторѣ рассмотреть ихъ содержаніе.

Проведя день, какъ нельзя лучше, я вечеромъ возвратился домой и тотчасъ же принялся за осмотръ пакетовъ. Они оба заключали переписку двухъ лицъ; но листы были такъ мокры, что я почти ничего не могъ разобрать. Раздѣливъ какъ можно осторожнѣе слипшіеся листы, я разложилъ ихъ по столамъ и стульямъ, чтобы они ночью могли просохнуть, и уснулъ, составляя въ мечтахъ цѣлый романъ. Поутру первымъ дѣломъ моимъ было приняться за письма; но представьте мое сокрушеніе, когда я замѣтилъ, что цѣлыя строчки были совершенно смыты, и чернила мѣстами такъ раслились, что невозможно было доискаться смысла. Къ счастью числа и мѣсяцы, по какому-то случаю уцѣлѣли на всѣхъ письмахъ, и я, подобравъ ихъ по хронологическому порядку, разгадалъ отчасти ихъ содержаніе. Надѣясь, что и читатели разгадаютъ его, я рѣшился напечатать эти письма, какъ есть, означивъ смытыя мѣста черточками и точками, и исправивъ правописаніе.

№ 1.

Мая 5-го дня.

Милос . . . . . Государыня!

Извините — — — — —;
но сердце не знаетъ законовъ — — — — —
съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье васъ узнать — — — — —
— — — — — я страдаю — — — — —
— — — — — удостойте несчастнаго вашимъ — — — — —
— — — — — назначить время и — — — — —
— О! — — — — —

Любящій васъ до безумія

Владиміръ А . . . . .

Опасныя личности, записанныя въ черную книгу.

Иванъ Крикуновъ, род. въ январь 1859 года. Личность до крайности безпокойная и неукротимая.

Петръ Буановъ, родил. въ мартъ 1857 года. Личность, замъченная не разъ въ буйствъ и разбиваніи стеколъ.

Барбосъ Кусаевъ; годъ и день рожденія неизвѣстны. Замъченъ въ не-оказываніи должнаго уваженія фонарнымъ столбамъ и въ посягательствѣ на чужіе шинели и салоны.

№ 2.

Мая 7-го.

Милостивый государь!

Если вверить — — — — —
— — — — — сердце женщины — — — — — я не
смыю — — — — — Ахъ! — — — — —
приходите — — — — — въ 7 часовъ
въ — — — — —

Преданная вамъ Елена Н . . . . .

№ 3.

Мая 12-го.

Несравненная Алина!

Чѣмъ болѣе — — — — — тѣмъ силь-
нѣе — — — — —
прими — — — — — наше бла-
женство — — — — — я выразилъ
свои чувства — — — — — акростихъ:

Амуръ . . . . .
Любовь . . . . .
И свѣтъ . . . . .
На вѣкъ . . . . .
Ахъ! будь . . . . .

Твой неизмѣнный В. А.

№ 4.

Мая 16-го.

Благодарю тебя, мой милый Вольдемаръ, за драгоцѣн —
— — — — — я буду хранить
— — — — — посылаю тебѣ на память
— — — — — и локонь — — — — —
пусть онъ — — — — — ту, которая
— — — — — до гроба — — — — —

Прощай, мой милый другъ!

не забывай твою — — — — — Е. Н.

№ 5.

Мая 18-го.

Обожаемая Алина!

— — — — — блаженство — — — — —
— — — — — вѣчно — — — — — любящихъ — — — — —
— — — — — пусть бури рока — — — — —
непоколебима, какъ скала — — — — —
О ты, которая — — — — — клянусь — — — — —
— — — — — до гроба — — — — —
— — — — — если можно прислать мнѣ — — — — —
— — — — — крайняя нужда — — — — —
за квартиру — — — — —

Вѣчно твой В. А. . . . .

№ 6.

Мая 19-го.

Съ удовольствіемъ, милый другъ мой, исполняю твою —
— — — — — ты знаешь — — — — —
— — — — — пѣть ничего за-
вѣтнаго — — — — — до свиданія.
Твоя Е. Н.

№ 7.

Мая 22-го.

— — — — —
Доволенъ я судьбою
И милою богатъ....
Алина! кто съ тобою
И бѣдности не радъ!
— — — — —
— — — — — завтра въ 8 часовъ — — — — —
— — — — — На вѣки твой В. А.

№ 8.

Іюня 2-го.

— — — — —
— — — — — любовь
— — — — — кровь;

— — — — — отрада
— — — — — награда.
Если можно, приходи — — — — —
— — — — — съ гитарой — — — — —

Твоя вѣрная Е. Н.
№ 9.

— — — — — сколько восторговъ — — — — —
наслажденіе жизни — — — — — какъ счаст-
ливъ тотъ, который — — — — — вѣрную подру-
гу — — — — —
Вчера приходилъ опять — — — — —
требуетъ — — — — — за квартиру — — — — —
грозить — — — — — что мнѣ дѣлать?
— — — — — выручи — — — — —

Твой неизмѣнный В. А.
№ 10.

— — — — —
Посылаю, милый В — — — — — у меня не слу-
чилось — — — — — но я, чтобъ — — — — —
заложила мантилью — — — — —

Твоя Е. Н.
№ 11.

— — — — —
Вотъ ужъ педѣля — — — — —
уже ли ты забылъ — — — — — Ахъ,
успокой — — — — — я жду тебя — — — — —

Твоя Е. Н.
№ 12.

— — — — —
Жестокій! — — — — — чѣмъ я за-
служила — — — — — докажи, что ты
— — — — — твой клятвы — — — — —
завтра — — — — — жду отвѣта — — — — —

Несчастная Е. Н.
№ 13.

— — — — —
Многоуважаемая Алипа!
Я помню — — — — — по — — — — — обстоятельства
— — — — — разлучиться — — — — — въ душѣ
твой образъ — — — — — вѣчно называть
тебя другомъ — — — — —

Преданный тебѣ В. А.
№ 14.

— — — — —
растерзанное сердце — — — — —
могила — — — — — жестокій — — — — — увы!
— — — — — ослѣпленье — — — — — еще разъ — — — — —
— — — — — все готова забыть — — — — — твоя Е. Н.

№ 15.

— — — — — не могу — — — — — обстоятель-
ства — — — — — бѣдность — — — — — уязжаю въ
Пензу — — — — — впрочемъ, не я первый — — — — —
Готовый къ услугамъ В. А.

№ 16.

— — — — —
Июля 7-го.
— — — — — подлый чловѣкъ! — — — — —
— — — — — возвращаю — — — — — твои письма — — — — — Е. Н.
— — — — — Н. А.

МЕЛОЧИ.

Дядюшка. Ты отчего это, голубчикъ, пригелъ нынче изъ классовъ съ раскраснѣвшимися глазами?

Племянникъ. Наказали за урокъ изъ географіи....

Дядюшка. Почему же ты его не выучилъ, лѣнтяй?

Племянникъ. Да какъ же, дядюшка, задали повторить сразу всѣ пять частей свѣта: конечно, я не успѣлъ всего приготовить....

Дядюшка. Лѣнтяй, братъ, ты! Вотъ что! Въ наше время задавали сразу по *шести частей свѣта*, — да, небось, успѣвали приготовить!...

Учитель исторіи. Чѣмъ покрыли себя Русскіе въ битвѣ подъ Полтавой?

Ученикъ (молчитъ).

Учитель. Ну, что жъ ты молчишь? отвѣчай: они покрыли себя славой.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Открывъ подписку на полученіе нашего журнала въ 1860-мъ году, Редакція честь имѣетъ извѣстить своихъ иногородныхъ подписчиковъ, что она, для устраненія жалобъ на неисправную доставку журнала, приметъ съ своей стороны всѣ возможныя мѣры. Журналъ *еже-недѣльно* будетъ немедленно сдаваться въ почтамтъ въ *заклеенныхъ намухо пакетахъ* и съ наклеенными на нихъ печатными адресами. А такъ какъ для заготовленія этихъ адресовъ нужно время, то она покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ предъавлять свои требованія заблаговременно, адресуя ихъ: въ Москву въ контору журнала «Развлеченіе» при типографіи Каткова и Комп., въ Армянскомъ переулкѣ, или въ книжный магазинъ И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Редакторъ *Θ. Миллеръ.*